

Гэмпшир, 1999

1

Равновесие нарушилось. В голове прояснилось все реже, и сознание неумолимо растворялось в густом тумане спутанных мыслей.

Сэр Чарльз Хаксли понимал, что оттягивать больше нельзя. Время не ждет, вспомнилась ему прописная истина. И его в обрез. Это он тоже осознавал.

Ковыляя в кабинет на нетвердых ногах, старик отчаянно старался удержать в уме предстоящую задачу, не давая ей ускользнуть в туман, откуда, его страшило, она могла уже и не вернуться.

Наконец, сэр Чарльз добрался до стола и медленно опустился в кожаное кресло.

Устроившись поудобнее, он позволил себе на мгновение отвлечься и задумчивым взглядом обвел помещение. Обстановка кабинета идеально воссоздавала атмосферу традиционного мужского клуба: стены с деревянной обшивкой, изящная антикварная мебель ручной работы — только дуб, красное дерево и кожа. Слабый аромат винтажного портвейна и сигарного дыма пробудил в старике воспоминания о бесчисленных выпивках после ужина, коими он в этой самой комнате наслаждался в обществе сильных мира сего. Славные времена, когда особняк еще был настоящим домом.

Внимание сэра Чарльза переключилось на фотографию в серебряной рамочке на столе. Со снимка на него смотрели два улыбающихся лица — жены и единственного ребенка. Счастливый момент, запечатленный, когда Уильяма еще

переполняло детское изумление перед окружающим миром, а здоровье Виктории не пошатнулось. Затуманенный разум попытался вычислить, сколько же с тех пор миновало лет. Кажется, шестнадцать или семнадцать.

Пожалуй, решил сэра Чарльз, точное число роли и не играет. Ведь их обоих нет рядом с ним. Сын три года учился в университете, лишь изредка наведываясь домой, а потом и вовсе покинул Англию, устроившись в благотворительную организацию в каком-то богом забытом уголке Африки. Уильяма он не видел почти три года. Что до Виктории, то ее уже почти десять лет как не стало.

Теперь в одиночестве только и оставалось, что бродить по старому дому в компании воспоминаний. Да и эти совсем скоро его оставят.

Старик глубоко вздохнул, выдвинул ящик стола и достал оттуда пачку веленовой писчей бумаги с его полным титулом и адресом, вытесненными сусалью. Как жаль, что запас этой дорогостоящей бумаги ему уже не пригодится.

Вслед за бланками сэра Чарльз извлек конверт с зернистой черно-белой фотографией и копией свидетельства, а также оловянную шкатулку размером с небольшую книжку. Последнюю ему подарил какой-то престарелый избиратель, из бедняков, и теперь сэра Чарльз намеревался оставить вещицу в наследство Уильяму. Пускай ларчик не представляет совершенно никакой ценности, зато сын наверняка оценит латинскую надпись на крышке. Впрочем, когда он ознакомится с содержимым шкатулки, ему будет уже не до мудрости изречения.

В тысячный раз сэра Чарльз обдумал последствия того, что прямо сейчас собирался сделать, и в тысячный раз убедился в отсутствии выбора.

Он взял вечное перо и начал писать.

Из-под пера на бумагу полились слова. Почерк старика аккуратностью уже не отличался, но все же оставался разборчивым. И хотя физический процесс переноса мыслей на бумагу не вызывал трудностей, выуживать из слабющего сознания подходящие слова было не так-то просто.

Впрочем, будь это единственным испытанием, сэра Чарльз только радовался бы. Увы, с каждой новой строчкой раскаяние и стыд терзали его все сильнее.

Все свершения сэра Чарльза за долгую семидесятидвухлетнюю жизнь на веки вечные окажутся опороченными одним-единственным неприятным инцидентом тринадцатилетней давности. Впрочем, стыдился он отнюдь не происшествия как такового, хотя и безмерно сожалел о нем. Нет, бесчестьем на него легли все последующие годы, за которые ему предоставлялось более чем достаточно возможностей для искупления вины. И все эти возможности он отверг из страха разрушить созданное им с таким великим трудом. В отличие от столь любимого им винтажного портвейна, секрет с годами отнюдь не облагородился.

Но все это уже не имело значения. Благодаря письму отцовские грехи вскорости возлягут на сына. Оставалось лишь надеяться, что Уильям окажется достойнее его и сумеет загладить вину родителя.

На мгновение старик сбился, подыскивая уместное слово для окончания предложения. Безрезультатные раскопки в сознании вылились в отчаяние, и он с силой стиснул авторучку в пальцах и сжал другую руку в кулак. Увы, даже три чувствительных удара по виску не выбили из головы нужного слова. Просто взяло и исчезло. Сэр Чарльз снова поднес перо к бумаге и закончил предложение наиболее удачной заменой, что смог предложить его несчастный разум.

Он завершил послание искренним извинением — во всяком случае, ему хотелось на это надеяться — и поставил подпись. Осознание выполненной задачи облегчения ему не принесло. Впрочем, на таковое он никогда и не надеялся.

Затем старик спрятал письмо в оловянной шкатулке, добавив к нему фотографию и потрепанную копию свидетельства. Три кусочка головоломки, надлежащим образом упорядоченные, чтобы сыну было проще сложить их в одно целое.

Сэр Чарльз захлопнул крышку и, не сводя взгляда с оловянного ларчика, откинулся на спинку кресла. И всего через

несколько секунд ощутил, как мысли его уплывают прочь от содержимого шкатулки и возможных последствий ознакомления сына с письмом. Что ж, может, оно и к лучшему.

Внезапно раздался стук в дверь, и старик вздрогнул от неожиданности. Дверь со скрипом отворилась, и он поднял взгляд на переступившую порог женщину средних лет. Ее изможденный вид выдавал чудовищную усталость.

— Сэр Чарльз, все в порядке?

Изначально нанятая в качестве экономки, Лиззи постепенно превратилась в круглосуточную сиделку старика. Прежде она работала медсестрой, так что квалификации ей хватало, однако место в особняке сэра Чарльза женщина выбрала отнюдь не из профессиональных соображений.

Решение Лиззи было продиктовано необходимостью.

Вот уже четыре года миновало после скоропостижной смерти ее мужа, оставившего после себя лишь долги. Вопреки всем стараниям вдовы, в конце концов к ней нагрянули судебные приставы и в установленном порядке конфисковали семейный дом. Она согласилась на работу в Хансворт-Холле только из-за бесплатного проживания. Но то, что поначалу казалось подарком судьбы, обернулось сущим проклятием. Львиная доля весьма скромного заработка Лиззи по-прежнему уходила на погашение долгов, так что, даже откладывая каждый оставшийся фунт, из ловушки она выбраться не могла.

— Плесни-ка мне бренди, — велел сэр Чарльз.

Женщина подошла к столу и, присев на дубовый стул напротив хозяина, какое-то время молча разглядывала лицо старика. Под морщинистой кожей уже отчетливо проступал череп: слишком часто он забывал о приготовленной для него еде, а ее напоминания вызывали лишь раздражение. Некогда эрудированный, остроумный и обаятельный, сэр Чарльз превратился в бестолкового и капризного брюзгу. Лиззи понимала, что осталось ему совсем недолго, однако ей отчаянно требовалось, чтобы работодатель продержался еще хотя бы несколько недель. А потом, надеялась она, сбережения уже позволят ей как-нибудь выкрутиться.

— Ну-ну, — произнесла женщина чуть ли не с материнской интонацией. — Сами же знаете, что алкоголь с лекарствами нельзя. Может, хотите какао?

— Не хочу! Давай-ка, записывай письмо.

Лиззи закрыла глаза и сосчитала про себя до пяти. Старик, то ли не замечая, то ли игнорируя ее реакцию, принялся диктовать:

— Дорогая Маргарет. Во-первых, передай, пожалуйста, мои искренние пожелания скорейшего выздоровления Денису, который, как я знаю, недавно захворал.

Женщина открыла глаза и склонилась над столом. Сэр Чарльз уже не в первый раз мысленно возвращался в те дни, когда занимал пост министра. Два года назад у старика диагностировали болезнь Альцгеймера, что положило конец его сорокалетней политической карьере — по безжалостной иронии судьбы всего через месяц после проигрыша его партии на выборах 1997 года.

— Сэр Чарльз, я не ваш личный секретарь, — вздохнула Лиззи, решив не бесить хозяина напоминанием, что Маргарет Тэтчер выселили с Даунинг-стрит, 10 почти десятилетие назад.

— Пошевеливайся, женщина! — рявкнул старик.

Спорить с ним было бесполезно. Сменить направление его спутанных мыслей, как уже прекрасно уяснила сиделка, можно было лишь сменив тему.

— Какая миленькая шкатулка. Серебряная? — произнесла Лиззи, указывая на вещицу.

Сэр Чарльз уставился на сиделку, затем перевел взгляд на ларчик. Внезапно, вцепившись костлявой рукой в шкатулку, он поспешно спрятал ее в ящик стола и прошипел:

— Она бесценна, женщина!

Лиззи кивнула, и старик с грохотом задвинул ящик. Это как будто рассеяло его гнев, и он замолчал.

— Сэр Чарльз, уже поздно. Вам помочь подготовиться ко сну?

— Да, — отозвался он едва слышным шепотом.

Лиззи обошла вокруг стола и помогла ему подняться из кресла, в благодарность получив лишь несколько прощамканных ругательств. Нисколько не смущенная грубостью хозяина, она взяла его под руку, и вместе они неторопливо покинули кабинет.

Женщина еще не знала, что это окажется их последней совместной прогулкой. Ночью в дом нагрянет смерть и положит конец страданиям старого политика.

Наши дни

2

В воздухе стоит густой коктейль ароматов — лосьонов после бритья, духов и утреннего дыхания набившейся в вагон доброй сотни жителей пригородов. Вопреки дружным усилиям моих попутчиков обильные дозы парфюма не в силах противостоять коллективному халитозу.

Поезд подземки, дребезжа, мчит вперед своих унылых, избегающих взгляды друг друга пассажиров.

Наконец, не без облегчения выдираюсь из переполненного вагона на платформу станции «Вестминстер». Утренняя поездка из сельского Гэмпшира — путешествие весьма утомительное, больше двух часов, и меня искренне радует, что совершать его приходится лишь раз в неделю.

Выжидаю несколько секунд, пока не схлынет толпа, и направляюсь к выходу. Метрах в десяти впереди стенку подпирают два неряшливого вида юнца в бейсболках — один жирный, другой худой, как спичка, но оба явно обозленные на жизнь. Они хмуро следят за моим приближением.

— Только посмотри на этого дровичу тори, — бросает толстяк товарищу достаточно громко, чтобы реплика достигла моего слуха. Даже не знаю, намеренно или нет. Впрочем, не важно. Подобное оскорбление я слышал уже неоднократно и, как пить дать, услышу еще не единожды.

Между прочим, жирдяй прав. Я действительно состою в Консервативной партии, хотя в душе и политически нейтрален. А в силу того факта, что я отнюдь не блестящий